

Глава 24

В день восьмидесятилетия старого господина Чэня Ду Юньтин в статусе вновь обретенного внука отправился на торжество в сопровождении своего господина Гу.

Кто бы мог подумать, что праздничный банкет по совместительству окажется смотринами. Едва Юньтина ввели в зал, он бросил мимолетный взгляд на круглый стол, за которым ему предстояло сидеть, и почувствовал, как у него заныли зубы.

«Какое совпадение, — обратился он к Сяо Лю. — Все эти лица кажутся мне до боли знакомыми»

Почти все они красовались в том самом альбоме с женихами, который когда-то показывала ему мать.

«О, Двадцать восемь, смотри! Тот самый атлетичный милашка тоже здесь. И его место — прямо рядом со мной!»

Этот красавчик был внуком семьи Ци по имени Ци Да. Он щеголял горой мышц, накаченных в спортзале; даже через пиджак отчетливо угадывался рельеф его могучего тела. Очевидно, он прекрасно знал, зачем родители привели его сюда. Стоило Ду Юньтину войти в зал, как взгляд собеседника тут же пригвоздил его к месту. Мужчина бесцеремонно окинул юношу взором с головы до ног, и в его глазах вспыхнуло неприкрытое удовлетворение.

На Юньтине был приталенный костюм, который выигрышно подчеркивал его узкую талию и длинные ноги. Черты лица «Труса Ду», унаследовавшие изящество матери, казались нежными, словно едва распустившийся бутон, с которого вот-вот готовы сорваться капли холодной росы. Пока он шел к столу, гости невольно провожали его восхищенными взглядами. Ци Да, окончательно очарованный, поспешно вскочил и услужливо отодвинул для него стул.

— Спасибо?.. — неуверенно произнес Ду Юньтин.

Здоровяк ослепительно улыбнулся:

— Не за что.

Казалось, он пользовался неоспоримым авторитетом среди присутствующих — остальные сверстники за столом притихли, едва он заговорил. Внук семьи Ци собственноручно расправил перед гостем салфетку и разложил приборы.

Юноша никак не мог перестать коситься на его внушительную грудь.

— Результат тренировок, — заметил атлет и с улыбкой пояснил: — Я очень люблю спорт.

— Впечатляет, — искренне восхитился Ду Юньтин.

Накачать такие мощные грудные мышцы — это действительно достижение.

— Тебе нравится? — спросил Ци Да.

— Ну, не то чтобы... — замялся Юньтин. — Просто любопытно...

— Если нравится, можешь потрогать, — предложил Ци Да. Он учился за границей, поэтому отличался широтой взглядов. Мужчина без лишних церемоний перехватил руку Ду Юньтина и прижал его ладонь к своей груди. — Сначала оцени текстуру.

«!!!»

Юноша совершенно не ожидал такого поворота. Его рука оказалась в плену, и теперь он боялся даже обернуться.

«...Господин Гу здесь? — в панике спросил он систему. — Он ведь этого не видел, правда?»

[...]

[А что, если не видел, ты планируешь пощупать подольше?] — съязвила Сяо Лю.

«Как ты могла такое подумать! — возмутился Ду Юньтин. — Разве я такой человек? Я храню верность только господину Гу!»

«...Твоя рука всё еще там», — напомнила Шестёрка.

«...Такие выдающиеся формы — редкость, — признал Ду Юньтин. — И тактильные ощущения... интересные»

Упруго, твердо — весьма любопытно. Ему вдруг захотелось изучить, чем же на самом деле наполнены эти мышцы.

Сяо Лю промолчала, но спустя пару секунд внезапно произнесла:

[Ну всё, объект твоей верности приближается]

«!!!»

Ду Юньтин попытался отдернуть руку, но Ци Да, неверно истолковав его движение, решил, что юноша хочет сменить позицию. Он крепко сжал запястье гостя и переместил его ладонь на другую сторону груди, ведя себя словно навязчивый торговец.

— Здесь тоже отличная текстура, попробуй.

«Брат, ты что, решил устроить распродажу своего тела?! — в ужасе подумал Ду Юньтин. — Если хочешь торговать собой, не тяни меня за собой в могилу!»

Он отчаянно пытался вырваться, бормоча:

— Не нужно, правда, не стоит...

В этот момент на его плечо легла чужая рука. Гу Ли стоял прямо за его спиной. Его лицо было темнее тучи, готовой вотвот разразиться громом и молниями.

Здоровяк знал его — знал, что тот приходится Чэнь Юаньцину кем-то вроде названного дяди. Сейчас Ци Да выглядел даже слишком радушным, словно зять перед тестем. Он поспешно встал:

— Дядя Гу, что вы здесь делаете?

Слово «дядя» заставило лицо Гу Ли помрачнеть еще сильнее. Это обращение словно воздвигло непреодолимый барьер между ним и его «маленьким племянником», отбрасывая его на огромное расстояние.

Ду Юньтин наконец-то вызволил свою руку и, почуввав неладное, попытался тихонько просочиться поближе к любимому. Но не успел он сделать и шага, как Ци Да снова притянул его к себе, недоумевая:

— Юаньцин, ты куда? Твое место здесь.

Глава Гу, проигнорировав собеседника, посмотрел на юношу и сухо произнес:

— Ему нужно в уборную.

«...»

— Вот как? — удивился атлет.

Он перевел взгляд на Ду Юньтина. Под тяжелым, давящим взором господина Гу юноша одеревенело кивнул.

— Да, — вымолвил он с убитым видом. — Мне просто до смерти приспичило.

«Всё, — подумал он. — Кажется, мне снова придется вспахивать землю»

Никто не вправе мешать человеку справлять естественные нужды. Ци Да уступил дорогу. Ду Юньтин пошел вперед, невольно сжимая колени и семена мелкими шажками; Гу Ли, меряя пространство длинными ногами, последовал за ним.

Здоровяк обернулся и посмотрел им вслед. Почему-то это зрелище показалось ему странным. «Слишком уж близкие отношения у этого дяди с племянником. Даже по нужде ходят парой?»

Вскоре на дверях мужского туалета появилась табличка «Ремонт». Несколько гостей, собиравшихся зайти внутрь, были вынуждены искать другое место.

— Кран сорвало?

— Похоже на то. Говорят, на втором этаже есть еще один...

На самом же деле с кранами внутри всё было в порядке. Ду Юньтин, собрав волю в кулак, стоял перед раковиной, чувствуя кожей горячее дыхание мужчины у своего уха. Паника накрыла его с головой, и легкое желание сходить в туалет мгновенно превратилось в нестерпимую нужду.

[Посмотри на себя, — презрительно фыркнула Сяо Лю. — Совсем раскис]

[Вспомни великий поход! Горы, снега, двадцать пять тысяч ли — вот где была истинная стойкость! А ты? Тебя просто взглядом прижали, а ты уже готов надуть в штаны от страха]

Юньтину стало еще обиднее, и он возразил:

«При чём тут страх?! Когда на тебя так смотрят, тут даже если захочешь — ничего не выйдет!»

Гу Ли, полуприкрыв глаза, произнес с напускным безразличием:

— Почему медлишь? Застежка заела?

Рука Ду Юньтина замерла на ширинке.

— Дядя... — прошептал он.

Мужчина поднял веки и наконец посмотрел ему прямо в глаза.

Чувствуя вину, Ду Юньтин поспешил признать ошибку первым. Хотя, если честно, в глубине души он считал это несправедливым. В конце концов, большинство омега питают слабость к таким атлетичным красавцам. Это как если бы натурал на улице засмотрелся на красивую девушку — обычное любопытство, не более.

К тому же он касался его через несколько слоев одежды, это даже близостью назвать нельзя.

Но господин Гу был явно не в духе, и сердце «Труса Ду» ушло в пятки.

— Я виноват... — Он опустил глаза с самым несчастным видом, словно поникший цветок.

— В чем именно твоя вина? — спросил Гу Ли.

— В том... что я должен был отдернуть руку сразу после первого прикосновения?

«...»

Юноша мгновенно понял — ляпнул не то.

Мужчина издал гневный смешок.

— Чэнь Юаньцин.

— Да?..

— Это я виноват, — Гу Ли коснулся его лица. Его рука была мозолистой и грубой, и от этого прикосновения Ду Юньтин невольно вздрогнул. То ли от боли, то ли от странной щекотки. Он приподнял голову и увидел перед собой ту самую бледную родинку над бровью мужчины. Она покачивалась перед глазами, дурманя рассудок, и Ду Юньтину казалось, что его душа вот-вот ускользнет вслед за рукой господина Гу.

— Я был слишком мягок, — продолжал Гу Ли, понизив голос. — Наш Ян-ян оказался плохим мальчиком.

Ян-ян — так ласково называла его мать до того, как ребенка похитили.

А плохих мальчиков нужно наказывать.

За последние дни Гу Ли почерпнул немало знаний из онлайн-курсов по агрономии. Опытные специалисты в один голос твердили: прежде чем сеять, нужно подготовить почву — вспахать её и разрыхлить. Только когда земля станет мягкой и увлажненной, в неё можно бросать семена.

Вспашка земли — дело тонкое. Нужно найти правильное место, переворачивать пласт за пластом, медленно и тщательно разминая землю. У него не было специальных инструментов, и в этом нелегком труде ему приходилось полагаться лишь на собственные руки. К счастью, этот «участок» не был засушливым или бесплодным — стоило лишь немного «вспахать», как почва увлажнилась, а у самого края борозды даже выступили капельки влаги. Однако Ду Юньтин явно был непривычен к такой работе. Юный и нежный, он совершенно не мог выносить этой нагрузки. Его и без того тонкая талия теперь гнулась, словно ивовая ветвь на ветру; силы стремительно покидали его.

Мужчина стер пот с его лба и тихо вздохнул:

— Почему ты такой хрупкий?

Юноша, весь взмокший, едва держался на ногах. Почва на его участке была так хорошо разрыхлена, что вода из накопительных каналов вот-вот готова была прорваться наружу. То желание сходить в туалет, что недавно было просто сильным, теперь стало запредельным, балансируя на самой грани.

Стоило Гу Ли сделать еще одно движение — то ли он задел «камень» в земле, то ли еще что — как плотину окончательно прорвало. Поток хлынул неудержимо, сметая слабую преграду.

Вода текла, словно водопад, а Гу Ли, прищурившись, крепко поддерживал своего «племянника», не давая ему упасть и следя, чтобы влага не разбрызгивалась повсюду.

...Черт возьми.

«Даже если ты решишь прибить меня, я больше никогда не прикоснусь ни к одному качку», — признался Ду Юньтин своей системе.

«Минутное удовольствие не стоит последующего кошмара!»

[...]

Ду Юньтин всё еще пребывал в состоянии шока.

«Я и представить не мог, что господин Гу знает столько способов...»

Он считал себя «водителем» со стажем — пусть практики не было, но эротических книг он изучил немало. Но ни в одной из них не упоминалось, что обычная вспашка земли может быть настолько... изобретательной!

Его представление о господине Гу стало еще более глубоким.

Гу Ли позвонил и распорядился, чтобы ему принесли сменный комплект одежды. Ду Юньтин вышел из туалета только после того, как переоделся. Ноги его дрожали и не желали смыкаться, походка была ватной, словно он ступал по облакам. Ци Да всё это время преданно ждал его. Увидев юношу, он просиял и замахал рукой:

— Юаньцин! Почему ты переоделся?

Ду Юньтин не мог же признаться, что «работал в поле»? Ему пришлось прижать руку к пояснице, ставшей мягкой как лапша, и выкручиваться:

— В туалете возникли проблемы с водопроводом.

Решив, что юношу просто обдало водой из неисправного крана, здоровяк не стал расспрашивать дальше и потянулся к бутылке, чтобы налить Юньтину вина.

«...»

«Брат, я смотрю, ты твердо вознамерился отправить меня на вторую вспашку»

Ду Юньтин вовсе не хотел, чтобы здесь и сейчас начался настоящий посев, поэтому решительно покачал головой:

— Я не пью.

— Здесь совсем мало градусов, — с улыбкой уговаривал Ци Да. — Просто попробуй, оно сладкое, от него не пьянеют...

Не успел он договорить, как длинные пальцы властно отодвинули бокал. Гу Ли встал рядом с племянником и холодно произнес:

— Если второй молодой господин Ци желает выпить, он может сделать это в одиночку. Ян-яну алкоголь противопоказан.

Ци Да опешил. Раньше он этого не замечал, но сейчас отчетливо почувствовал, что по силе духа он и в подметки не годится этому мужчине. Тот, кто никогда не нес на себе бремя

настоящей ответственности, не мог сравниться с Гловой Гу. Собеседник усмехнулся — он понял, что не симпатичен Гу Ли, и, не желая нарываться на неприятности, одним глотком осушил свой бокал.

Мать Чэнь провела Ду Юньтина по всем столам. В этот день она светилась от счастья, раз за разом поднимая бокал, пока на её щеках не проступил лихорадочный румянец. Её подруги обнимали юношу, не скрывая радости:

— Ты даже не представляешь, как долго твои родители тебя искали...

Чэнь Юаньцина похитили прямо из семьи. Клан Чэнь был богат и влиятелен, у его матери была успешная карьера, и хотя ребенок был желанным, она не могла уделять ему всё свое время. Мальчик чаще всего оставался на попечении няни.

Но жизнь полна трагических случайностей. Няня была порядочной женщиной, но её муж пристрастился к азартным играм. Просадив всё имущество, он решил нажиться на маленьком Чэнь Юаньцине. Под предлогом прогулки он похитил ребенка и потребовал у семьи Чэнь выкуп в несколько десятков миллионов.

Дело приняло серьезный оборот, к поискам подключилась полиция нескольких провинций. Перепуганные супруги не решились долго скрываться с ребенком. Они нашли торговца людьми и продали двухлетнего Чэнь Юаньцина за восемь тысяч юаней, словно вещь.

Так они расстались на двадцать долгих лет.

— Все эти годы твоей матери было очень тяжело, — рассказывала одна из подруг, утирая слезы. — Она изводила себя, ни одной ночи не спала спокойно...

Ду Юньтин посмотрел на мать. Он помнил то, что видел в оригинальном сюжете: ради того, чтобы хоть мельком увидеть сына, эта женщина была готова терпеть любые унижения от наглого Сяо Пиннаня. Она унижалась перед так называемым парнем своего сына только для того, чтобы узнать хоть какие-то новости.

Она покупала для Чэнь Юаньцина горы подарков: дорогую одежду по сезону, часы, новейшие гаджеты. Но всё это забирал себе Пиннань, и до Юньтина не доходило ровным счетом ничего.

В глубине души женщина считала виноватой только себя. Вина в том, что погналась за карьерой и не уберегла дитя, обрекая родного сына на двадцать лет лишений и скитаний. И даже теперь, когда тест ДНК подтвердил их родство, она не смела требовать от него любви, считая, что он вправе ненавидеть её. Она безропотно принимала все его капризы, не смея упрекнуть ни в чем.

Ду Юньтин тихо вздохнул. Он накрыл руку матери своей ладонью и негромко произнес:

— Мама, хватит пить.

Она поставила бокал и крепко сжала руку сына. В этот жест она вложила всю силу своего желания вернуться на двадцать лет назад.

— Хорошо, — ответила она. — Больше не буду.

Гости принесли на юбилей множество подарков: антиквариат, картины, каллиграфию, редкий женьшень и целебные вина. Старый господин Чэнь принимал всё это со сдержанной благодарностью, пока очередь не дошла до Ду Юньтина. Тот преподнес пейзаж, написанный собственной рукой.

Старик расплылся в широкой улыбке, не переставая нахваливать подарок:

— Хорошо, очень хорошо!

Он тут же распорядился:

— Повесьте это в моем кабинете, хочу любоваться каждый день!

На самом деле мастерство Ду Юньтина было далеко от совершенства. Хотя у оригинального владельца тела были задатки, сам юноша систематически не учился и пары дней, так что его работа вряд ли заслуживала места на стене. Это лишний раз доказывало, что все дедушки и бабушки одинаковы в своей слепой любви к внукам: любая поделка младшего члена семьи кажется им бесценным сокровищем.

Когда гости разошлись, семья собралась тесным кругом. Мать Чэнь, присев в плетеное кресло в углу, завела разговор со своим вновь обретенным сокровищем.

— Драгоценный, ну как тебе? — мягко спросила она. — Понравился кто-нибудь из гостей?

«Еще бы, — подумал Ду Юньтин. — Твой младший брат считается? Среди всей этой толпы он самый красивый, во всем мне по вкусу»

Женщина поправила шаль, погрузившись в раздумья.

— Как по мне, все кандидаты были неплохи...

И правда, молодые люди за тем столом были как на подбор. Состоятельные семьи, приятная внешность, успешная карьера — придраться не к чему. Юньтин считал, что каждый из них был бы для него более чем достойной партией.

Но родители всегда считают, что их ребенок — это самая отборная, самая нежная капуста, и ни одна свинья в мире не достойна её грызть. Мать Чэнь явно придерживалась того же мнения:

— Но всё же они тебе не чета.

«...»

«Мам, ну у тебя и стандарты»

Она немного помолчала, а затем, внимательно наблюдая за сыном, осторожно произнесла:

— Мне показалось, тебе приглянулся Ци Да...

Юноша чуть не подпрыгнул в кресле, отчаянно замахав руками.

— Нет-нет-нет! Ни капельки!

Ни малейшего интереса, упаси боже!

Мать Чэнь посмотрела на него с подозрением. Такая бурная реакция была совсем не похожа на равнодушие.

— Если он тебе правда нравится, это было бы неплохо, — продолжала она. — Я хорошо знаю семью Ци, мы с матерью Ци Да дружим с детства. Она наверняка будет к тебе добра, да и по положению вы друг другу подходите.

— Мам... — вздохнул Ду Юньтин. — Давай в наше время не будем так слепо верить в союзы по расчету и статусу.

— Так он тебе точно не нравится? — не унималась женщина.

— Точно, — отрезал Юньтин.

— Тогда кто же тебе по душе? — в шутку спросила она. — Не дядя же твой, в самом деле?

«...»

Ду Юньтин промолчал.

«Поверь, мама, ты даже не представляешь, насколько ты права»

***

Этой ночью он снова лег спать у Гу Ли. Юноша, лежа на животе, листал художественный альбом, изучая теорию цвета. Он еще не закончил, когда услышал тихий щелчок двери ванной. «Трус Ду» инстинктивно поднял голову и на мгновение забыл, как дышать.

...А-а.

А-а-а-а! А-а!!

В его голове пронеслось стадо воющих сурков!

Он резко выпрямился, не в силах отвести взгляд. Гу Ли только что вышел из душа. На нем не было халата — лишь полотенце, обернутое вокруг бедер. Его поджарое тело с безупречным рельефом мышц не казалось чрезмерно мощным; тонкий слой мускулов идеально облегал кости. С влажных прядей, спадающих на лоб, капала вода, и сквозь них едва заметно мерцала та самая родинка.

В глазах Ду Юньтина это зрелище было подобно свежее испеченной булочке, густо покрытой сахарной глазурью. Он вытянулся в струнку, не сводя с мужчины жадного взгляда. Он видел это впервые.

Юньтин окончательно потерял дар речи, а мужчина, как назло, сел прямо рядом с ним. Аромат геля для душа, смешанный с жаром распаренного тела, окутал Ду Юньтина плотным коконом, мгновенно захватив его в плен.

[...]

[Ты что творишь?] — подала голос Сяо Лю.

Только тогда юноша осознал, что уже непроизвольно раздвинул ноги.

«Двадцать восемь, — выдохнул он. — Господин Гу просто до безумия хорош. Какое же сокровище мне досталось!»

[...]

[А не ты ли недавно хныкал от ужаса перед этим самым сокровищем?]

Юньтин не ответил, продолжая сверлить мужчину взглядом. Он чувствовал непреодолимый соблазн — так хотелось прикоснуться. «Если я чуть-чуть дотронусь... ничего же страшного не случится?»

Он медленно придвинулся ближе. Гу Ли явно заметил его маневр, но никак не отреагировал, продолжая искать фен в ящике комода. И только когда рука юноши уже готова была совершить диверсию, он перехватил его запястье.

— Хочешь потрогать?

Взгляд Маленького белого цветка Ду был сама невинность:

— О чем это дядя говорит? Я просто хотел помочь дяде высушить волосы.

«...И заодно разок-другой невзначай коснуться тебя в процессе»

Гу Ли едва заметно изогнул бровь. Он встал и, небрежно подхватив халат, накинул его на плечи.

Ду Юньтин занервничал. «Не надо! Не надевай!» Он же еще не успел потрогать!

Мужчина посмотрел на него с усмешкой, которая не коснулась его глаз.

— Красиво?

Юноша немного подумал и честно кивнул. Усмешка Гу Ли стала шире.

— А разве Ян-яну не претит подобное?

Юньтин оторопел. «С чего бы это?!»

— Разве Ян-ян не в восторге от грудных мышц того парня из семьи Ци?

«...»

«Трус Ду» понял: одной вспышкой в туалете дело явно не ограничится. Господин Гу до сих пор помнил тот случай и буквально сгорал от ревности к атлетичному милашке.

Юноша поспешил оправдаться:

— На самом деле они мне не так уж и нравятся... Просто я никогда раньше не видел ничего подобного...

Люди всегда испытывают фатальное любопытство к чему-то новому.

Гу Ли издал неопределенный смешок.

— Правда не нравятся! — Юньтин, клянись в верности, поднял руку. — Мне больше нравится такое тело, как у дяди. Оно красивое, прямо как статуя!

Раз это был господин Гу, Ду Юньтин не скупился на самые беспардонные комплименты.

— Если бы с дяди ваяли скульптуру, она бы точно заняла место в Лувре!

[Какой еще Лувр? Похоже, у моего хоста в голове совсем пусто] — подумала Сяо Лю.

Слова Юньтина, казалось, возымели действие. Напряжение в плечах мужчины спало, но он не выпустил края халата. Медленно и методично он запахнул полы и туго затянул пояс, скрывая тот самый райский сад, к которому так стремился Ду Юньтин.

Разочарование на лице юноши было невозможно скрыть.

«Какой же он жадный...»

— Дядя видит, что Ян-яну больше по душе развитая грудь, — произнес мужчина.

«Грудь, опять эта грудь... — Ду Юньтин поклялся себе больше никогда не смотреть на качков и держаться от них на расстоянии не менее трех километров. Слишком развитая мускулатура преграждала ему путь к господину Гу»

— И не забудь, — напомнил Гу Ли. — Сегодня ты еще не делал упражнения для ног.

«...»

«Мало того что потрогать не дали, так еще и штаны снимай, делай упражнения... Где в этом мире справедливость?»

Когда он покорно закончил, Гу Ли и не думал ложиться. Он придвинул ноутбук и продолжил работать. Наблюдая за тем, как мужчина изучает документы, Ду Юньтин машинально вытащил сигарету из пачки. На душе было как-то скверно.

Он подсел поближе и предложил:

— Дядя, может, хватит курить?

Гу Ли развеял дым рукой и тут же затушил окурок в пепельнице.

— Запах неприятен?

— Нет, не в этом дело, — Юньтин, поджав ноги, преданно заглянул ему в глаза. — Просто это очень вредно для здоровья.

Мужчина усмехнулся:

— Ян-ян уже начал командовать дядей?

На самом деле Ду Юньтину нравился запах табака. Этот аромат неразрывно ассоциировался у него с самим Гу Ли; стоило ему почувствовать этот запах, как в сердце мгновенно всплывал образ любимого.

Но то, что мужчина курил слишком много, действительно пугало его. Юньтин медленно склонил голову и положил её на колени мужчины. Гу Ли больше не мог сосредоточиться на документах. Он коснулся пальцами тонкой белой шеи племянника.

— Ян-ян?

Юноша протянул руку, взял со стола сигарету, зажег её и попытался затянуться, выпуская дым. Он пробовал это много раз, но ему никак не удавалось достичь того же изящества и непринужденности, что были у господина Гу. Лежа, он поперхнулся дымом.

Гу Ли, казалось, опешил на мгновение. Его глаза потемнели, он забрал сигарету.

— Плохо?

— Плохо, — Ду Юньтин обхватил его за талию и прошептал: — Поэтому мне еще больше не нравится, когда дядя курит.

Мужчина о чем-то задумался и спустя долгое время вдруг усмехнулся:

— Ян-ян, дядя уже немолод.

Ду Юньтину совсем не нравились подобные разговоры.

— И что?

— Сегодня тот парень из семьи Ци назвал меня дядей.

— ...Так это потому, что у дяди высокий статус в иерархии поколений!

— Я старше тебя на восемь лет, — произнес Гу Ли.

Это признание было словно заноза в сердце, от которой никак не удавалось избавиться. После того как сегодня Ци Да во всеуслышание назвал его так, заноза стала еще больше, причиняя дискомфорт. Это было похоже на бесцеремонное напоминание: его «маленький племянник» куда гармоничнее смотрится рядом с такими же молодыми и энергичными людьми.

А он? Хотя разница и была всего восемь лет, мужчина с головы до ног казался пропитанным старческой серьезностью. Мать Чэнь постоянно твердила ему, что в нем нет ни капли юношеского задора, что он выглядит неестественно зрелым и степенным. Гу Ли помалкивал, но втайне переживал из-за этого.

Он опустил взгляд и посмотрел в глаза юноши. Глаза Ду Юньтина сияли, в них отражались крошечные блики от ночника, дрожащие, словно рябь на воде.

— Какое это имеет значение? — спросил Юньтин.

Дыхание Гу Ли на мгновение перехватило.

— Когда мне будет семьдесят, дяде — семьдесят восемь. Когда мне будет семьдесят восемь, дяде — восемьдесят шесть. Восемь лет разницы в масштабах целой жизни — это сущая мелочь.

Ду Юньтин замолчал на секунду, а затем улыбнулся:

— К тому же, может быть, я люблю дядю уже много лет. Куда дольше этих восьми лет разницы. Просто дядя об этом до сих пор не знал.

Гу Ли долго смотрел на него и вдруг улыбнулся. По выражению лица юноши он видел — тот не шутит. Он швырнул пачку сигарет в мусорную корзину. Ду Юньтин, лежа на его коленях, удивленно вскинул брови.

— Дядя?

— Значит, бросаю, — отрезал мужчина. — Чтобы подольше побыть с нашим Ян-яном.

Он обязан был позаботиться о своем здоровье. Гу Ли был курильщиком до мозга костей. Его стаж начался еще в семнадцать-восемнадцать лет и не прерывался более десятилетия. Табачный дым казался ему самым быстрым способом убежать от страданий.

На этот раз Гу Ли был настроен решительно. Он больше не притрагивался к сигаретам. Когда мать Чэнь пришла навестить их, она с изумлением обнаружила, что пепельницы со столов исчезли, а пачки и зажигалки испарились без следа. Мужчина сидел на диване, и стоило ему по привычке хлопнуть себя по карману, как сидящий рядом Ду Юньтин тут же разворачивал для него молочную ириску или совал в рот кусочек фрукта.

— Ты бросаешь курить? — поразились женщина.

Гу Ли, перекаывая во рту конфету, ответил коротким «угу». Его аура больше не казалась такой холодной и жесткой.

— Сколько лет я тебя просила — ты так и не бросил! Неужели терпишь?

Юноша, сидевший рядом, не удержался от хвастовства:

— Дядя не курит уже целую неделю.

Мать Чэнь удивленно покосилась на сына, всё еще не веря своим ушам.

— И как же вам удастся держаться?

«Потому что я принес в жертву самого себя... — подумал Ду Юньтин»

В последнее время он изобрел один крайне эффективный метод. Стоило господину Гу потянуться за сигаретой, как Юньтин тут же лез к нему с поцелуями. Пары минут хватало, чтобы внимание мужчины полностью переключилось на другое.

Конечно, этот метод таил в себе немалые риски. Например, участок Ду Юньтина за эти дни вспахивали столько раз, что почва на нем, казалось, стала совсем рыхлой. Особенно вчера: рука мужчины орудовала в поле почти всю ночь. Юноша до сих пор с содроганием вспоминал об этом, чувствуя себя куском мяса на разделочной доске, который уже нарезали и вотвот отправят в казан...

Маленький белый цветок Ду дрожал от страха. Ему каждый раз казалось, что до полного расцвета остался всего один шаг. Поэтому в последние дни он вел себя тише воды ниже травы, не смея буяннить; даже при поцелуях он был предельно сдержан и боялся открывать рот,

опасаясь, что в любой момент начнется опыление.

[...]

[С такой-то смелостью — и откуда только бралась дерзость так нагло нарываться?] — поинтересовалась Сяо Лю.

Ду Юньтин задумался. «Наверное, это Лян Цзинжу поделилась со мной отвагой»

[...]

«Слушай, ты правда не хочешь дать мне в долг? — жалобно протянул Ду Юньтин. — Ну, в последний раз?»

Сяо Лю прекрасно помнила ту обиду.

[Нет]

Она была честной системой и не собиралась потакать аморальным наклонностям юноши. Тот снова вздохнул.

«Эх, ладно»

[...]

«Похоже, мне придется искать другой выход», — с сожалением добавил Ду Юньтин.

[...]

Почему-то Сяо Лю не почувствовала облегчения. Наоборот, ей стало еще тревожнее. В жизненном кредо Ду Юньтина слова «сдаться» не существовало. Исключением было разве что признание в любви господину Гу — в этом деле он сдавался с поразительной скоростью. Система часто думала: если бы юноша проявил в реальности хотя бы половину той смелости, что была у него в мирах заданий, он бы уже давно заполучил семерых таких господинов Гу.

В своем умении нарываться юноша был подобен сорвавшейся с цепи тройке лошадей или бушующим водам Хуанхэ — Сяо Лю, как ни старалась, не могла его остановить. Его дерзость была поистине самобытной.

На ужин Ду Юньтин вызвался готовить сам. Он сварил кастрюлю супа из редьки; овощи почти полностью разварились, из-за чего бульон стал молочно-белым и густым. Сяо Лю, не желая

видеть «инструмент кастрации», тут же ушла в офлайн.

Когда она снова вышла на связь, Ду Юньтин уже закончил трапезу и пересказывал в уме какую-то историю. Система прислушалась: речь шла о человеке, который ел лапшу, а поверх нее лежали сосиска и два идеально круглых яйца-пашот. Тот человек целиком брал яйцо в рот и медленно его прожевывал.

[Хм...] — задумалась Сяо Лю. Ей показалось, что в этой истории есть какой-то странный привкус.

Перед сном Ду Юньтин листал журнал. На одной из страниц было фото дятла, который искал личинок в стволе дерева. Юньтин уставился на птицу и сочувственно вздохнул: «Тяжело приходится дятлам. Дерево такое твердое, а им приходится раз за разом погружать клюв глубоко в ствол. Наверное, оттуда даже течет сок. Двадцать восемь, ты видела когда-нибудь древесный сок? Такой молочно-белый, полупрозрачный?..»

Система молчала. Спустя долгое время она не выдержала:

[Что ты творишь?!]

— Просто делюсь с тобой картинками, — невинно ответил Ду Юньтин.

«Но почему мне кажется, что здесь что-то не так?! — гадала Сяо Лю»

Хотя он и правда просто описывал фото, и содержание соответствовало действительности, но было в этом что-то, что вызывало у неё дискомфорт. Почему? Неужели дерзость юноши стала настолько неконтролируемой, что пропитала собой даже самые обычные слова?

Ду Юньтин в замешательстве потер щеку:

«Я просто смотрю картинку, чего ты так разволновалась?»

Система решила, что, возможно, она перегибает палку.

[Продолжай]

Юноша хмыкнул и принялся методично надевать чехол на стакан. Вытащил — вставил. Вытащил — вставил. Вытащил — вставил...

Система смотрела на это остекленевшим взглядом, не в силах вымолвить ни слова. В последующие дни поведение Ду Юньтина стало еще более невыносимым. Он то и дело смыкал

пальцы одной руки в кольцо, а указательный палец другой руки вставлял внутрь и вынимал. Вставил — вынул, вставил — вынул...

Терпение Сяо Лю медленно приближалось к пределу. И когда однажды Ду Юньтин начал декламировать ей строки о «легких касаниях и медленных ласках», она взорвалась. Система, которая всегда твердила себе о любви и морали, сорвалась на истошный крик:

[А-а-а! А-а-а-а-а!!]

Ей нестерпимо хотелось придушить своего хоста и вместе с ним броситься в реку! Она всё-таки пала под натиском безграничного воображения человеческого существа. Казалось бы, самые обычные вещи, но в сочетании с двусмысленным выражением лица юноши они приобретали крайне непристойный оттенок. После такой «обработки» системе не терпелось перечитать Маркса, чтобы промыть себе мозги и очистить базу данных.

Она была готова расплакаться.

[Я дам тебе это! Дам, хорошо?! Только не забудь вернуть баллы после выполнения задания]

Ду Юньтин расплылся в улыбке:

«Двадцать восемь, ну разве нельзя было сделать всё так просто с самого начала?»

[...]

Она скрепя сердце выдала ему предмет — маленькую баночку в изящной старинной коробочке. От неё исходил тонкий, нежный аромат, от которого, казалось, даже ноги становились ватными.

[Гармонизирующая мазь, — пояснила Сяо Лю. — Достаточно капли размером с ноготок]

Ду Юньтин пришел в восторг. «Вещь!» Он бережно спрятал баночку в карман на всякий случай, а затем, хитро прищурившись, снова протянул руку.

[...Что еще?!]

«Одной баночки мало, — безапелляционно заявил Трус Ду. — Мне нужна как минимум дюжина»

Система не верила своим ушам.

[Этой банки тебе хватит на два месяца! Ты что, решил за мой счет затариться на всю жизнь вперед?!]

— Именно, — честно ответил Ду Юньтин.

[...]

— Дашь или нет? — Юноша вел себя как настоящий бандит. — А не то я пойду кромсать редьку.

Система разрыдалась и выдала Ду Юньтину всю дюжину из своих запасов, чувствуя себя несчастной жертвой разбойного нападения.

[Спасите! Я хочу домой! Хочу к Главному Богу! Хочу к маме!..]

<http://bllate.org/book/15364/1372888>